

Игорь Шестков "Чемодан"

ЧЕМОДАН

Без пятнадцати три ночи меня разбудил громкий стук в дверь.

Точно знаю, когда, потому что у меня прямо перед носом, на столике рядом с кроватью, – стоят электронные часы с крупными светящимися цифрами.

Золотистыми. Но слегка отдающими в лиловое. Вообще-то это радио-будильник.

Но я терпеть не могу музыку или новости слушать спросонья. Новости – гадость.

Музыка – тоже. Особенно та, которую сейчас передают по радио. На двух

оставшихся каналах. Я люблю просыпаться в тишине, поэтому радио я в

будильнике отключил сразу и навсегда. И не жалею. Я, после того как проснусь,

люблю сны вспоминать, даже записываю то, что не забыл, в специальную

тетрадочку. Потому что мои сны – это единственная вещь на свете, которая меня

еще удивляет и интересует. Все остальное – изо дня в день повторяющийся

кошмар. Надоело пережёвывать одно и то же. Вставать, есть, тащить на себе

день... бессмысленный день, не сулящий ничего хорошего.

А сны... они всегда новые... скурильные, забавные... как прежняя жизнь... как

короткие существования предметов внутри сюрреалистических картин.

Как же жалко, что берлинские музеи разгромлены и разграблены

воинствующими мусульманами и следующей за ними по пятам местной и

восточноевропейской чернью! Мне не жалко второй уже раз сожженного здания

Бундестага, черт с ним, с этим имперским монстром... мне жалко работы Клее и

Эрнста, затоптанные ногами этих идиотов, мне жалко взорванного как когда-то

Пальмира, Пергамского алтаря... объявленного салафитами вслед за Иоанном

Богословом «престолом Сатаны».

...

Вставать не хотелось. В спальне было холодно, отопление не работало уже

несколько лет. Хорошо еще электричество не выключают по ночам как раньше.

И воду. Тело ломило, в вены кто-то впрыснул ртуть. А под язык положил

свинцовую монету. Я приподнял голову, с трудом разлепил глаза и попытался

определить, в какую дверь стучали. Квартирная, стальная дверь далеко от моей

кровати, по ней, как громко ни колоти, я не проснусь. А дверь в спальню стеклянная, звучит по-другому.

Может быть, не в дверь стучали?

В окно что ли? На пятом этаже?

Черт возьми! Опять постучали. И как громко!

И еще... как будто кто-то глухо проорал что-то. Или пролаял.

Или прохрустел, как сухой песок, когда по нему солдаты идут в кирзовых сапогах.

Может быть, «ёжики» пришли... с обыском?

В конце октября в три часа ночи очень темно. Включить свет лежа я не мог, выключатель у торшера сломался, а я так и не собрался его починить.

Пришлось моргать, протирать глаза... массировать ступни и лодыжки... охать, ругаться.

...

Сел на кровати. Холодный пол обжег мне ноги.

Я увидел. И понял. Понял, в какую дверь стучали.

О, господи... Не во входную. И не в дверь спальни.

Стучали в жуткую, незнакомую мне дверь, которая, как иудейское надгробье возвышалась зловещим темным прямоугольником в трех метрах от меня. Дверь не в стене, а в дверной коробке, в раме. Посередине комнаты. На двери были отчетливо видны огненные буквы: Мене, мене, текел...

Откуда она тут взялась?

Фак!!!

Укусил себя за большой палец левой руки. Не помогло.

Закрыл глаза. Подождал с полминуты. Открыл. Дверь все еще тут. Надпись горит.

Прочитал короткую молитву, прокашлялся, выматерился на родном наречии.

И это не помогло.

Кто-то еще раз громко и властно постучал в эту дверь, не ведущую никуда.

...

Встал, подошел к двери.

Где тут были буквы? Пропали.

Тяжелая дверь. Обита позеленевшей медью. Похожа на дверь монастыря или старинного собора. Рама – из грубо обструганного дерева. Потрогал поверхность двери. Холодная и как будто гравированная.

И током бьет от нее.

Еще раз постучали. Дверь загремела как листовое железо, если по нему молотком шарахнуть. Глумливая надпись опять выступила на меди. Прямо перед моим носом.

Машинально спросил: Кто там?

В ответ услышал знакомый голос: Да открывай же скорее, тут так холодно!

Шевелись, идиот, скотина, подонок! Я оторву тебе руки и откушу тебе голову, толстый ублюдок!

Голос был похож на голос моей многолетней сожительницы, Пьеры.

Только голос этот был глухой и страшный. Голос... как бы смешавшийся с треском ломающегося дерева... или ломающихся костей. Голос нашего впавшего в буйное помешательство времени.

А Пьера обычно говорила взвешенно, звонко и приветливо.

Дрожа от страха, заглянул за дверь. Никого.

Обе стороны двери были одинаковыми. Ни замков, ни ручек...

И тут... деревянная рама, в которой дверь висела на солидных бронзовых петлях, растаяла в воздухе, исчезла у меня на глазах... и я понял, что передо мной не дверь вовсе, а чемодан, поставленный на попа. Старомодный. С заклепками на углах. Большой, но не громадный. Обитый потрескавшейся кожей.

Сбоку у него была ручка и два латунных замка.

Голос Пьеры доносился изнутри чемодана.

Она хочет, чтобы я выпустил ее из западни. Понятно.

Ничего не понятно. Пьера умерла два года назад. Урну с ее прахом похоронили на кладбище, заросшем столетними елями. В Аренсфелде. Неделю назад я был на ее могиле. На велосипеде ездил. Ведь эс-бан давно не работает. Боялся, что по дороге подстрелят. Сейчас много всякой сволочи шатается по улицам с оружием. Людям нечего есть. Во всех больших городах участились случаи каннибализма. Европа непоправимо деградировала. Еще немного и конец.

Очистил могилу от пожелтевшей листвы и прикрыл еловыми ветками. Посидел несколько минут на пластиковом ведре, погрузился. И не слышал ни стука, ни голоса.

...

Включил верхний свет.

Легче от этого не стало. Чудовищный чемодан при электрическом свете выглядел еще чудовищнее. На его кожаных боках – были вытеснены жуткие сцены каких-то отвратительных ритуалов с человеческими жертвоприношениями. На крышке был изображен дьявол в пятиконечной звезде. Крики, доносившиеся из его чрева не утихали, наоборот, казалось стали громче. – Выпусти меня, выпусти, кретин! Тут холодно. Вороны выклевали мне глаза... я хочу посмотреть на тебя пустыми глазницами, любимый. Я хочу облизать тебе грудь, выгрызть тебе сердце и бросить его адским псам.

Брань эта обжигала мне душу как кипяток... заставляла вибрировать мои нервы. Я боялся, что проснутся соседи, начнут звонить... вызовут полицию.

Полицейские будут раздражены тем, что их потревожили из-за таких пустяков. Приедут, посмотрят на чемодан, послушают крики... и решат, что я – маньяк, запирающий женщин в чемоданах... Могут пристрелить на месте. С них станется.

Бред, бред, бред. Не может мертвая Пьера сидеть в чемодане и грозить выгрызть мне сердце. Живая Пьера со мной не ругалась и никогда не хотела причинить мне вред. Мы жили с ней душа в душу.

...

Может быть, вытащить этот чемодан на улицу и отнести его куда-нибудь, подальше от дома. Бросить в озеро? Например, в Малховерзее. Нет, не дотащу, далеко. И опасно.

Я ретировался в кухню, вскипятил воду. Съел бутерброд с маргарином и соленым турецким сыром, остатками былой роскоши. Выпил немного горячей воды. Посмотрел в окно. На нашей улице все было как обычно. Редкие бронированные машины проезжали под огромными тополями. Синие фонари не светили, а мерцали как глаза огромной кошки. Серые бетонные стены окрестных домов с ужасными следами от осколочных снарядов наводили тоску. На небе

сияли четыре звезды. У мусорного ящика лежала бездомная цыганка. У нее в ногах, в зловонном тряпье копошились крысы. В полуразрушенном здании, в котором раньше помещался магазин КАЙЗЕР мелькали тени, там веселилась молодежь. Наверное кого-то избивали ногами.

Издаലെка доносилась редкая стрельба.

...

Дверь, ставшая чемоданом...

Кто притащил эту дрянь ко мне в квартиру?

Кто сидит там, внутри, и стучит?

Неужели, действительно Пьера, тогда, двадцать пять лет назад, в год нашего знакомства, задолго до корейской войны, так похожая на Барбару Зукову? Моя милая Пьера, которую я так любил, с потерей которой до сих пор не смирился. С растрепанными волосами, маленькой грудью, синими глазами, пахнущей свежестью кожей и щемяще родной улыбкой. Вечная оптимистка и выдумщица. Душа любой компании. Моя радость и утешение.

Ожила до кремации? Ушла из морга. Потом влезла в чемодан, который сам собой оказался ночью в моей спальне?

А сожгли и похоронили вместо нее кого-то другого.

Абсурд.

Она умерла в Клинике Сана. В Лихтенберге. Я сам отвез ее туда.

Никогда не забуду ее последнего взгляда. Она уже не узнавала меня. Думала только о своей постаревшей полоумной дочери, умудрившейся разбазарить за год доставшееся ей от отца наследство. Так и не вышла замуж. Курила марихуану и пропадала месяцами, бродила по стране с какими-то бродягами. Проституировала, воровала.

Пьера жалела дочь, чувствовала, что та долго не протянет.

Дочь пережила мать только на год. Случайно попала в уличную перестрелку. Ее тоже похоронили в Аренсфельде, в коллективной могиле.

Кто же стучит и кричит там, в чемодане, и просится наружу?

Открыть замки и выпустить?

А вдруг там не Пьера, а какой-нибудь, заблудившийся в других измерениях и материализовавшийся по ошибке у меня в спальне, космический упырь?

...

Может быть все это наказание?

За что?

Как будто ты не знаешь, за что.

За то. За твою бесконечную ложь... за твои измены, обманы... за твою изворотливость... Пьера пыталась не замечать твои штучки... страдала. А ты делал вид, что все хорошо.

Двадцать пять лет тыпил кровь этой женщины, ты обобрал ее... любил, любил... на самом деле ты даже не хотел ее, а только использовал как куклу.

Силиконовую секс-куклу. Говорящую, готовящую, стирающую, убирающуюся. А когда она состарилась и превратилась в ворчливую, холодную и равнодушную к тебе старуху, ты даже желал ее смерти.

И вот она умерла, снова стала молодой и узнала от ангелов смерти правду. И из ее горечи и боли и соткался этот чертов чемодан. И демон в нем. Ты выпустишь его, а он тебе голову откусит.

Ладно, хватит юродствовать и фантазировать, надо что-то делать.

Взял себя в руки, стиснул зубы и направился в спальню.

Решительно подошел к чемодану, положил его на пол крышкой вверх и открыл замки.

Поднял крышку.

В чемодане лежали старые платья, юбки и блузки Пьеры. Новые забрала ее дочка после смерти матери.

Погладил пеструю материну... сердце сжалось от тоски... закрыл поскорее чемодан и отнес его в кладовку. Поставил на то место, где он стоял последние два года.

Лег спать без пяти четыре.

Долго не мог заснуть. Спрашивал себя: Зачем ты принес вчера в спальню чемодан со старым бельем и поставил его на попа?

Около пяти вспомнил.

Чемодан служил мне мишенью. Я нарисовал черным фломастером на его крышке смешную рожицу, карикатуру на давно почившую в бозе канцлершу,

одну из главных виновниц катастрофы, и кидал в нее серебряные бусинки, оставшиеся от счастливых времен. Лежа в постели.